

**Провинциальное духовенство в деле увековечения памяти
о победе в Отечественной войне 1812 года
(по материалам Вологодской губернии)**

Изучая вопрос о месте и роли Отечественной войны 1812 года в исторической памяти соотечественников, нельзя не отметить значение празднования ее столетнего юбилея в 1912 г. По мне нию современников этих торжеств, они послужили поводом для повышения интереса к изучению событий эпохи наполеоновско го нашествия, персоналиям, роста патриотических чувств и национального самосознания среди различных слоев общества. В исследовании А. В. Буганова, посвященного изучению исторической памяти крестьян XIX в. подчеркивается, что «память о 1812 годе, интерес крестьян к событиям Отечественной войны сохранились в течение всего XIX века»ⁱ. По данным А. В. Буганова, это подтверждалось поступившими в конце XIX столетия в Этнографическое бюро князя Тенишева сообщениями из различных губерний, в том числе из Тотемского уезда Вологодской губернии. Корреспондент Н. Миролюбов в 1899 г. сообщал, что во время чтений крестьянам об Отечественной войне 1812 года отец говорил: «Ведь это, мужики, глядите, <...> и всего-то прошло 87 лет, пацко <...> старик Був знает, при ем была война»ⁱⁱ.

В настоящей публикации автор преследует цель рассмотреть празднование столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года с позиции его восприятия городским, а в большей степени и сельским населением Вологодской губернии. Немаловажным аспектом при изучении юбилейных торжеств выступали и способы проникновения информации о торжествах, а также фиксация общественного мнения в ответ на увиденное и услышанное при проведении юбилейных мероприятий. Сделать это, по нашему мнению, можно, обратившись к изучению деятельности православного духовенства, напрямую связанного со своими прихожанами через пастырское служение.

Священники, по сути своего служения, являлись ядром приходского сообщества. Они не только поддерживали и укрепляли религиозную жизнь верующих, но и принимали большое участие в общественной жизни.

При подготовке празднования столетнего юбилея в Вологодской губернии по просьбе губернской комиссии во главе с вице-губернатором В. Фуксом 10 августа 1912 г. епископ Вологодской епархии согласился на проведение после церковной службы 26 августа торжественного молебна на соборных площадях в уездных городах, а в селах, «где возможно, на площадях волостных правлений с той целью, чтобы мероприятия прошли при широком стечении народа»ⁱⁱⁱ.

Информация об этом поступила настоятелям церквей через циркуляры благочинным. И в большинстве случаев разработанный порядок празднования не был нарушен.

Однако в Усть - Сысольском уезде, судя по донесению одного из земских начальников от 15 октября 1912 г. настоятели Летской и Объячевской церквей 25 августа не отслужили всенощных, не предупредили «о том волостное начальство, которое повестка ми собрало народ... Крайне прискорбно то, что кажись, духовенству первее всего должно иметь эти заботы, но оно не желает, и особенно отличились Объячевское и Летское, не обратили они внимания и на то, что народ собрался согласно распоряжения правления для молитвы в столь знаменательный для русскою отечества день»^{iv}. Разбирательство по этому поводу шло на церковном и светском уровне. На заседании Великоустюжского духовного правления 30 ноября был заслушан рапорт благочинного третьего округа священника Спасского с представлением объяснений Объячевского и Летского причтов. Из него следовало, что в обоих приходах храмов утром 26 августа 1912 г. были отслужены всенощные бдения, панихиды по павшим в Бородинском бою и божественные литургии. События 25 августа объяснялись тем, что народ в это время был

на работах, около храма не было заметно ни одного богомольца^v. Духовным правлением также был высказан упрек в адрес земского начальника о неуместности его вмешательства в порядок проведения церковных служб и вынесено замечание причтам обеих церквей о необходимости строгого соблюдения распоряжений духовного начальства. Содержание вышерассмотренных материалов, отразивших разные точки зрения местных инстанций на сложившуюся ситуацию, позволяет уловить детали работы с населением волостной администрации и церковных учреждений в дни проведения массовых мероприятий в самой глубинке губернии.

Заинтересованное отношение вологодского духовенства к предстоящему юбилею проявилось в активном розыске некоторыми из них документов, подтверждающих происхождение от родственников священников - участников Отечественной войны 1812 года для оформления их в качестве потомков. Причиной этой деятельности стало принятое 15 августа 1912 г. «Положение в честь столетнего юбилея о праве ношения прямыми потомками участников войны по мужской линии наград, полученных предками». В отношении духовенства предоставлялось право ношения потомкам священников наперсного креста, установленного в 1814 г. лицам иерейского сана, награжденных чтим знаком отличия за участие в войне.

С прошением по этому поводу в адрес епископа Вологодского и Тотемского Александра 25 мая 1913 г. обратился протоиерей Никольской церкви, что на Сенной площади в Вологде, отец Андрей (Вознесенский)^{vi}. У него была сложная ситуация. В истории его семьи существовали различия в фамилии отца Николая Вознесенского и деда — участника войны — Андрея Заболотского. Автор прошения раскрыл причины сложившегося несоответствия фамилий: «... до издания при Николае I закона, обязывающего каждого русского подданного носить фамилию предков, у начальников духовных учебных заведений было в обычае давать фамилии поступающим детям духовенства по своему усмотрению»^{vii}. Произошло так, что сыновья священника Воскресенской Заболотской церкви, носившего фамилию по месту служения в Заболотье, двое старших — Лев и Николай (отец автора ходатайства) получили фамилию по названию храма, при котором служил их отец — Воскресенские. Младший брат Павел, родившийся в 1817 г. и служивший священником при Николаевской церкви Вологодского уезда, носил фамилию Заболотского. Автор прошения приложил сведения из формулярного списка о службе деда и отца, метрические справки и рождении отца и собственном рождении. Он доказывал, что его дед Андрей Заболотский являлся священником Воскресенской Заболотской церкви Грязовецкого уезда и в период Отечественной войны 1812 года состоял на действительной службе^{viii}. Он получил знак отличия, установленный 30 августа 1814 г., темно-бронзовый крест на Владимирской ленте. Автор подчеркивал, что крест остался после деда в семье сына Николая, т. е. его отца, а затем перешел к нему.

Далее отец Андрей (Вознесенский) изложил аргументы на его право ношения креста как прямого потомка участника Отечественной войны 1812 года. Претендент объяснял, что старший сын деда Лев Воскресенский состоял на светской службе и умер, не оставив потомков мужского пола. Следующим по старшинству шел отец претендента, он имел пять сыновей. Отец Андрей был младшим. Но никто из старших братьев не состоял в духовном звании — это, во-первых, а во-вторых, в 1912 г. никого из них уже не было в живых. Отсюда автор ходатайства сделал вывод, что он являлся единственным представителем рода в сане священника, происходившим по прямой линии от старшего из сыновей деда, носившем иерейский сан. В результате духовная консистория признала за отцом Андреем (Вознесенским) право на ношение наперсного креста, в подтверждение чего выдавалось свидетельство. Консисторское решение вологодский епископ в итоге утвердил 13 июня 1913 г. Таким образом, благодаря поисковой работе, начавшейся в 1912 г. и продолженной в год 90-летнего юбилея появились сведения еще об одном вологжанине — участнике Отечественной войны 1812 года и его потомках.

Не менее ревностное отношение к сохранению памяти о событиях Отечественной войны 1812 года духовенство проявило в ходе подготовки и проведении юбилейных торжеств 1912 г., принимая участие в различных направлениях общественной деятельности. В ответ на нее представители светской власти после завершения

празднования юбилея выходили с ходатайствами на имя губернатора о награждении представителей духовенства за оказанную помощь. Среди них назывались протоиерей Вельско го Троицкого собора Н. Следников, который и раньше, начиная с 1907 г., активно работал в уездном земском собрании в качестве представителя духовного ведомства^{ix}. К такому же награждению медалью и память столетия Отечественной войны был представлен вельский уездный наблюдатель за церковно-приходскими школами священник Д. Пахолков^x.

Несмотря на окончание юбилейных торжеств 1912 г. в России, череда особых мероприятий, связанных с увековечением памяти русских солдат, павших в войне с Наполеоном, не завершилась. В 1913 г. планировалось проведение юбилейных событий на европейской территории. В связи с подготовкой к ним Лейпцигским комитетом был поставлен вопрос об окончании строительства памятника в виде православного храма на поле Лейпцигского сражения над могилой 22 тыс. русских воинов, павших в бою под Лейпцигом 4-7 октября 1813 г. Как следовало из обращения от 4 августа 1911 г. председателя комитета начальника Генерального штаба Я. Жилинского (почетным председателем этого комитета являлся Его Императорское Высочество великий князь Михаил Александрович), направленного в адрес епископа Вологодского и Тотемского, «на храм, хотя бы и скромный по размерам, требовалось 200 тысяч рублей, а собрано было — 46 тысяч»^{xi}. В связи с этим великий князь Михаил Александрович вышел с особым ходатайством в Святейший Синод. Он просил разрешить провести сбор пожертвований во всех церквях империи 26 сентября 1911 г. за литургией, а в 1912 и 1913 гг. - в первый воскресный день после праздника Крещения (8 января) тоже за литургией. Указ Синода с этой информацией был напечатан в «Церковных ведомостях» 16 июля 1911 г.

В свою очередь, председатель комитета Я. Жилинский просил вологодского епископа Никона направить распоряжение духовенству епархии о сборе средств. Положительная резолюция его Преосвященства последовала 23 августа 1911 г. Объявление о сборе средств появилось в «Вологодских епархиальных ведомостях» 1 сентября 1911 г.

Выполнение задачи по сбору пожертвований ложилось на провинциальное духовенство, в том числе и вологодское. На это указывает еще одно обращение Я. Жилинского, отправленное в вологодскую консисторию 30 ноября 1911 г. В нем содержалась просьба к епископу об организации чтения воззвания настоятелями церквей накануне сбора пожертвований с обращением к прихожанам принять о нем участие. Общественное значение проводимых мероприятий усиливалось привлечением к сбору средств лиц как мужского, так и женского пола от военного и гражданского ведомств^{xii}. Действительно, например, реписка губернского предводителя дворянства содержит приглашения высоких лиц к участию в сборе средств в Вологодском кафедральном соборе, видимо, с целью усилить значение проводимой акции. Представители общественности обладали особыми удостоверениями, принимали участие в подсчетах и подписании акта о сумме сбора^{xiii}.

В июле 1912 г. было принято еще одно решение Святейшего Синода о проведении дополнительного сбора пожертвований на сооружение храма-памятника в Лейпциге 15 и 16 декабря, о чем сообщалось в «Церковных ведомостях» 1 сентября 1912 г.^{xiv} В целом в актах о сборе денег в церквях Вологодской епархии фиксировались поступления от прихожан как 15, 16 декабря 1912 г., так и 26, 27 января 1913 г. Сельское духовенство, как мы видим, убеждало прихожан в необходимости пожертвований, контролировало с представителями общественности поступление сумм, составляло акты об отчислении денег.

По подсчетам данных, содержащихся в актовых материалах, составленных местным причтом, деньги поступили от 193 церквей^{xv}. Однако бывали случаи, когда одна и та же церковь могла быть названа дважды, в зависимости от дня сбора пожертвований. Особый интерес представляют суммы средств, поступающие от одной церкви. Главным образом, они носили копеечный характер (начиная с двадцати копеек), но ждать больших поступлений от сельской паствы было, конечно, сложно. Достаточно редко встречались суммы за пределами двух или трех рублей. Они относились к сборам в Вологодском

кафедральном соборе, а также другим вологодским церквям: святой Екатерины Великомученицы, священномученика Власия^{xvi}. Общая сумма поступлений в результате оказалась не столь значимой по величине. Однако она играла большую роль в сплочении всего общества, его единства в общем деле. По нашим подсчетам, вологодским духовенством всего было собрано 66 руб. 72 коп.

К счастью, средства, собранные прихожанами дошли до своего адресата. Сооружение храма-памятника было завершено в 1913 г. История строительства церкви в Лейпциге в честь 22 тыс. русских солдат, погибших под Лейпцигом, и памятника «Битвы на родо» обстоятельно изложена в материалах Г. Шмидта^{xvii}.

Подводя итоги, следует отметить, что провинциальное духовенство, и их храмы, являясь устойчивым нравственным сообществом прихожан и клира, были важным фактором социокультурного влияния на общество, в том числе и в деле формирования исторической памяти, увековечения в общественной памяти событий Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии, а также самого столетнего юбилея победы над Наполеоном в 1912 г.

ПРИМЕЧАНИЯ.

ⁱ Буганов А. В. Русская история в памяти крестьян XIX в. и национальное самосознание. М., 1992. С. 170.

ⁱⁱ Там же. С. 171

ⁱⁱⁱ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 19169. Л. 7.

^{iv} Там же. Л. 21.

^v Там же. Л. 19.

^{vi} Там же. Л. 32

^{vii} Там же. Л. 39

^{viii} Там же. Л. 32 об

^{ix} Там же. Д. 1893. Л. 9. Д. 19169. Л. 57 об

^x Там же. Л. 62 об

^{xi} Там же. Д. 19054. Л. 1.

^{xii} Там же. Л. 3.

^{xiii} Там же. Д. 19216. Л. 112

^{xiv} Там же. Л. 51.

^{xv} Там же. Л. 1-209.

^{xvi} Там же. Л. 117, 119.

^{xvii} Шмидт Г. Памятники «Битве народов» под Лейпцигом и их интерпретация в современном обществе // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы X Всерос. науч. конф. М., 2002. С. 238-251.